

цевала на столе в купальнике. На шею я повязала платочек с надписью «мир» на разных языках: я привезла его из Москвы <...> После вечера, естественно, разразился скандал, состоялось заседание обкома, где студентов ругали за тему вечера и «пошлые танцы на столе». Впрочем <...> никто, по-моему не пострадал. А некоторые молодые преподаватели и аспиранты стали поглядывать на нас с интересом...

Вообще-то удивительное место — Ленинградский университет. Как будто там стены хранят некий вольнолюбивый дух! [Там же]

Библиография

Аловерт Н. Воспоминания об университете // Русский базар. Нью-Йорк. № 37 (490). 2005. 8–14 сент. С. 56–57.

Р.Ф. Зелинский

РЕЗОНАНС ДУШ: ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА БЕРНШТАМ. ВОСПОМИНАНИЯ

Весть о кончине Татьяны Александровны Бернштам застала меня на больничной койке. По мобильнику сообщили время похорон, и... никаких подробностей. Я недоумевал: как могло такое случиться? Ведь буквально пару недель тому назад я у Татьяны Александровны, живущей в районе ул. Савушкина, гостил и просил ее заступиться за меня в молитве к Господу в связи с моим недугом. И вот случилось так, что эту просьбу она донесет Богу — прямо и непосредственно, и в этом нет сомнения, ибо в жизни своего слова она никогда не нарушала.

Я запомнил Татьяну Александровну в самых мельчайших деталях ее личного обаяния и самобытности, и хочу сразу отметить, что она — человек высокого духовного накала, причем сугубо ленинградской традиции. Вся ее жизнь и научная деятельность связаны с городом на Неве, с его маршрутами, научными и учебными заведениями, с семейным и дружеским окружением, и я не могу ее представить в другой географической среде. Она вела скромную и уединенную жизнь, независимую и

вполне разумную, никогда не жаловалась на материальные затруднения и довольствовалась тем, что приносила ей скромная зарплата. Я был в трех ее квартирах (две из них — однокомнатные), которые менялись в связи с личными обстоятельствами. Обстановка в них варьировалась незначительно: письменный стол с пишущей машинкой, несколько стульев, кушетка с настенным гобеленом, магазинный двухстворчатый фанерный шифоньер коричневого колера, в красном уголке выделялась изумительная по красоте тщательно отреставрированная икона начала XIX в. с овальной лампадкой... А в целостной домашней обстановке доминировал аристократический квадратный сервант красного дерева с трех сторон в хрустальных венецианских стеклах, видимо фамильный, в котором хранились драгоценные флаконы, ювелирные пасхальные яйца, коллекция нательных крестиков, мелкая бронза, фарфоровые статуэтки, подарочные вещицы и кое-что из косметики. Кажется, на стене висела небольшая картина на религиозный сюжет в слегка облупленном багете.

Личная библиотека Татьяны Александровны никогда не была большой, не превышала полутора–двух сотен единиц и хранилась на полках в завешенном неприметном месте. Она включала авторские работы, кажется, пару фолиантов, подарочные книги и некоторую справочную литературу. Татьяна Александровна говаривала, что для серьезной работы личным собранием книг никак не обойдешься, нужны библиотеки, университетская или Публичка, поэтому с ненужными ей книгами она поступает точно так, как Ахматова, — раздает их студентам и друзьям. Так, после одного разговора с ней о философии Федорова она передала мне его монографию с тем, чтобы я ничего не подумал о ее возврате. Пришлось смириться. Конечно, я обладаю некоторыми ее работами с автографами, которыми безмерно дорожу.

Особое место в жизни Татьяны Александровны занимала ее собака (не помню клички) (эту замечательную королевскую пуделиху звали Полли. — *Прим. ред.*) — среднего роста, вислоухая, с длинной мордой, серого цвета с темными пятнами, которая ей служила 14 лет. Она подавала лапу, выполняла разные команды, но главное — тонко чувствовала настроение хозяйки и сопереживала ей, что отражалось в различных нюансах повизгивания и особой выразительности огромных печальных глаз. Эта собака непременно «участвовала» в научных изысканиях, ибо непременно лежала подле и не сводила глаз со своей хозяйки во время работы над рукописями, отчего Татьяна Александровна называла ее «соавтором» многих своих произведений. Хозяйка как-то призналась, что продуктивные мысли чаще ее посещали в то время, когда голова собаки покоилась на ее коленях.

Татьяна Александровна не была моралисткой и, разумеется, не была «синим чулком». О нет! Она — женщина в самом подлинном значении этого слова и обладала всеми «примочками» слабого пола: знала, что сказать про моду и как одеваются за границей, поскольку иногда там бывала, хорошо разбиралась в светском этикете, имела оригинальное мнение о мужчинах и не чуралась выпивки в хорошей компании. Однако ее жизненная центральная магистраль и моральное кредо основывались на глубокой религиозной основе, причем она не показушно внимала Господу, ее вера покоилась на обширных знаниях истории, учебного анализа и самой событийной сущности христианства. И все это в ее душе переплавилось в стойкое мировоззренческое убеждение. Так, после смерти мужа Татьяны Александровны (Александра Васильевича Корниенко. — *Прим. ред.*) я осмелился позвонить, чтобы выразить свое соболезнование, но получил обескураживающий ответ: «Роман, не стоит тебе печалиться. Мой муж не погиб, а отошел к Богу со спокойной совестью и благостью в душе. За него я вполне спокойна: он попадет в хорошие руки и будет пребывать в достойном месте. В этом я несколько не сомневаюсь». Что можно возразить в этой связи?

Далее я хочу остановиться на личном опыте творческого общения с Татьяной Александровной, когда однажды наши усилия объединились при создании художественного произведения. Однако прежде следует сказать о жизненных реалиях того времени, т.е. первой половины 1980-х годов, когда ленинградские фольклористы университета, консерватории, Института театра, музыки и кинематографии, Пушкинского Дома, Союза композиторов и других учреждений активно проводили экспедиционную и исследовательскую работу, организовывали научные конференции, устраивали концерты народной музыки и общались в неформальной обстановке. Тогда часто ходили друг к другу в гости, и поводы находились: дни рождения, юбилеи, защиты диссертаций, встречи друзей из республик и т.д. Мы, тогда молодежь и легкие на подъем, чутко отзывались на такие приглашения.

Татьяна Александровна в те времена активно занималась русским фольклором Беломорья, в частности изучала свадебные традиции, и я помню ее содержательные и, можно сказать, артистические выступления в Зеленом зале ЛГИТМиК и последующие встречи за чаем на секторе фольклора.

Помню, что на одном «пленарном» застолье какого-то фольклорного праздника зашел разговор о народной поэтике частушечных форм, и всем было весело и интересно, поскольку участники как бы состязались в пении озорных частушек и любовных страданий. Незаметно разговор

переместился в сторону других фольклорных жанров, в частности жестких городских романсов с чувственными словами, и здесь Татьяна Александровна процитировала несколько удивительных текстов, отчего все были в восторге.

Чуть позже у нас завязался разговор о поэтике в самом широком плане, и я затронул вопросы, которые меня глубоко волновали. Дело в том, что в то время я активно занимался сочинительством музыки, причем моим любимым видом творчества было пение в сопровождении фортепиано. Как известно, для создания музыки романсов необходимо найти подходящие слова, и порой это осуществить не так-то просто. Конечно, слова по содержанию обязаны «зацепить» душу, но они еще должны обладать подходящим музыкальным ранжиром, хорошо распеваемым размером, какой-то интонационной наполняемостью. Тут и другое: я никогда не писал отдельных романсов, но непременно циклы, а это умножало трудности, связанные с их цельностью, драматургией, сюжетной линией.

С Татьяной Александровной я поделился тем, что пытаюсь выискать в поэтическом материале что-то свежее, современное, но, к сожалению, ничего такого «согревающего» не попадает. Татьяна Александровна молча слушала, курила папиросу (сигарет избегала). И, наконец, я услышал:

— Роман, я понимаю твои устремления. Но, может быть, тебе следует расширить горизонт поисков? Скажем, очень много интересного в англоязычной поэзии.

— Но я никогда не пользовался переводной поэзией. Я не знаю, можно ли, например, на английский перевести «Евгения Онегина»? На язык без падежей, без развитых флексий, с жесточайшим порядком слов, и многие пушкинские тонкости пропадут: ведь в английском глагол «не плавает» туда-сюда в предложении.

— Договорился! По-твоему выходит, что у Шекспира не было тонкостей.

— Да, это верно. Но у меня был такой случай, например, что когда я заполучил «Декамерона» на украинском, то одноименную книгу с русским переводом, кажется самого Лозинского, забросил в угол. Мне явно показалось, что украинский ближе к итальянскому, он не столь жесткий и угловатый, как русский, разумеется, в данном случае. Так что с переводной литературой не так все и просто.

— Не буду тебя переубеждать, но у меня есть опыт перевода английской поэзии на русский, и при случае я кое-что покажу, надеюсь, считаешь с интересом для себя.

И действительно, на очередной встрече Татьяна Александровна вручила мне пакет из 88 полулистов, на первом из которых на машинке было напечатано «Т.А. Бернштам. Стихи разных лет», а ниже рукой написано «Роману. Дай Бог, — на долгую память. Т.Б.». Конечно, в подаренной рукописи были переводы с английского, но в подавляющем большинстве там оказались оригинальные произведения.

Я почитал, я прочитал, но... я не вычитал. Эта рукопись пролежала на моем столе что-то с неделю и канула в архивную картонную коробку. Подумалось: что может женщина? Подумалось, что эти слова несут нечто возвышенно-зыбкое, туманное, что-то остро-тяготеющее к душе, Богу. Такие поэтические мотивы в те атеистические времена для человека с армейским воспитанием показались упадническими, подражательными узкому декадентству, далекими от народа.

Впрочем, в душе я все-таки почувствовал высокий эталон мастерства, зрелости, а подлинная благородность автора проявилась в том, что Татьяна Александровна никогда не спрашивала, ни разу не напомнила о своих стихах — будто их вообще не существовало! Мне даже и в голову не пришло спросить ее о генезисе этого подарка и о том, как я им могу распоряжаться. Со временем это событие исчезло из моей памяти, я продолжал сочинять романсы на выдержанные тексты национальных поэтов: Лермонтова, Державина, Клюева, присматривался к словам других авторов, и так текла жизнь.

Прошло лет что-то около двадцати. В начале нового тысячелетия по какой-то надобности я разбирал свой архив и наткнулся на тоненькую стопочку листков в цветном конверте, раскрываю его — это стихотворения Татьяны Александровны Бернштам! Читаю и... волосы встают дыбом! Боже мой! Какая изумительная поэзия! Прекрасные стихи, блестяще написанные, с проникновенной интонацией, причем исключительно музыкальные. Я радовался и одновременно корил себя: с одной стороны, какая это находка, какая удача, а с другой — какая огромная потеря времени! Ведь они почти пару десятков лет находились в моем сундуке под спудом. Я с жаром взялся за работу, но чуть поостыв, спохватился и сказал себе: «Не спеши, не торопись писать музыку, сначала нужно во всем разобраться, ведь в словах этих стихотворений — как в притчах — огромный контекст».

Весь сборник (87 единиц) я прочитал за день, но мне потребовалось несколько недель, чтобы вчитаться в каждое произведение. Каждая строфа таила многое, интересное. У меня промелькнула безумная идея: а что будет, если отважиться написать огромный цикл на все стихи Татьяны Александровны. Ведь в прошлом были примеры создания масштабных

циклов в несколько десятков романсов, скажем, шубертовский «Зимний путь». Однако я принял осторожное и, как мне показалось, разумное решение: отобрать некоторое число произведений, удобное для исполнительской практики. Вот эти числа — 18, потом 12, затем 6 и, наконец, 4.

Приведу эти тексты: 1) «Уведи меня, дорога, от событий, от страданий» (23.10.67); 2) «Ах, весна, я — твоя неудачница! Не стучись у закрытых дверей» (30.4.67); 3) «Преодоление грез и бедное служенье. Какой любви дала обет в момент рожденья?» (22.6.74); 4) «В другую жизнь, в иные дали я уйду на склоне лет» (13.10.85).

Казалось бы, цикл складывался, однако меня что-то не удовлетворяло, мне казалось, что чего-то недостает в общем композиционном плане, не хватает какой-то эмоциональной грани, а целостная музыкальность лишена сбалансированности и завершенности. Я решил расширить рамки цикла, т.е. добавить романс доминирующего характера, с тем чтобы поместить его в точку золотого сечения всего целого. Я подобрал стихотворение с титульным для цикла названием «Когда с любимым оборвется связь» и на него написал репризный романс — продолжительный, в бурном темпе, с возвышенной интонацией, с виртуозно-громогласной фортепианной партией.

Сочинялось мне легко и трудно, быстро и долго. В Петрозаводске я работал дискретно, отрывочно, заготавливал «куски», а в каникулы 2004 г. все сочинение «собирал» в Петербурге. С творческой обстановкой мне повезло: пустая квартира, я и рояль. Мешали только жаркая и душная погода да некоторые неполадки инструмента: западала клавиша ре малой октавы и были расстроены несколько звуков в высоком регистре. Я стремился рационально «подбирать» нужные звуки, для чего уподобился тем художникам, которые, сделав мазок на полотне, отходят на расстояние, чтобы увидеть его «привязку» к общей фактуре. Поэтому мне приходилось некоторые сиюминутно созданные отрывки сравнивать и тщательно увязывать с предыдущими и последующими нотными строчками, т.е. я никак не торопился. Во время чистовой переписки нот также уточнялись некоторые, прежде всего агогические, детали.

Наконец, многократно перелистывая рукопись в прямом следовании страниц и в обратном, я как-то уgomонился и стал раздумывать о живом исполнении этого сочинения с такой тернистой судьбой. И здесь начались проблемы.

В Петрозаводске мои вокальные произведения долгие годы исполняли два ныне покойных выдающихся баса: Виктор Сергеевич Каликин (два цикла) и Василий Петрович Ширкин (десять циклов), а подходящих женских голосов сразу не находилось. По замыслу цикл «Когда с

любимым оборвется связь» предназначался для лирико-драматического сопрано, но там были и чисто колоратурные места. Я обратился к певцам: одна оказалась занятой, другая, с нежным серебристым голосом, подержала ноты с месяц и отказалась петь — сложно!

Я готовил сюрприз Татьяне Александровне к ее 70-летию юбилею, который должен был состояться в ноябре 2005 г., празднование было намечено на 8 ноября в Петербургском университете [Кунсткамера. — *Прим. ред.*], однако у меня к этой дате ничего не получилось.

В курсе всех моих вокальных дел, как всегда, была мой верный соратник — пианистка высокого класса Светлана Володаровна Синцова, с которой мы работали (и работаем) много-много лет. Она предложила обратиться к певице Галине Яниной, которая в творческой работе оказалась безотказной, надежной. Благодаря интенсивным репетициям ей удалось быстро усвоить нотный текст.

Далее, однако, для меня возникло серьезное осложнение, причем весьма неожиданное: аккомпаниатор Светлана Володаровна наотрез отказалась исполнять центральный, в последнюю очередь написанный романс «Когда с любимым оборвется связь», который, по ее мнению, «и из текста выбивается, и тесситурно неровный, и музыка в нем весьма сумбурная, и петь его весьма неудобно». Такое случилось впервые, причем это произошло с музыкой на слова именно Татьяны Александровны Бернштам, хотя при исполнении предыдущих циклов подобного неприятия никогда не бывало.

Я не сдаюсь, я веду дипломатию: «Света! Бойся Бога! Чтобы вытянуть этот романс, я все лето за роялем распинался! Эти стихи — святые, и за их критику тебя сам Господь накажет!» И надо же такому случиться, что мои слова оказались вещими: спустя некоторое время после этого разговора мой аккомпаниатор сломала руку! Боже праведный! Совсем некстати. При переходе покатой улицы Красной Светлана Володаровна поскользнулась и неудачно упала. Я очень расстроился и даже чуть-чуть злорадствовал: «Я же предупреждал, что к этому романсу с такими высокими стихами нельзя относиться пренебрежительно, иначе Бог не помилует!» Мне даже показалось, что какие-то силы препятствуют исполнению этого цикла. Рука пианистки заживала несколько месяцев, до полугода. А в целом с момента написания музыки прошло еще пару лет.

Постепенно все наладилось. Премьеру решили провести в Кондопоге (в 40 км от Петрозаводска), в небольшом зале церковного прихода, что более всего соответствовало содержанию и характеру этого произведения. Вступительное слово великолепно произнесла Елена Ивановна Маркова — мой дорогой научный соратник по клюевской теме. Премье-

ра прошла достойно. Настало время показать этот цикл в Петербурге и лично его представить Татьяне Александровне. Звоню по телефону 348–50–14 и после приветственных слов спрашиваю:

— Татьяна Александровна! А Вы помните о своих стихах, которые мне подарили, преподнесли очень-очень давно?

— Роман, ко мне так обращаться нельзя, мы же долгие годы на «ты». Еще бы, конечно, помню! Я только тебе одному эти стихи и подарила, другие в глаза их не видели.

— Таня! На твои стихи я написал цикл из пяти романсов, названный, если не возражаешь, «Когда с любимым оборвется связь», и вот уже скоро из Петрозаводска приедут исполнители.

— Надо же! Это очень приятно и неожиданно! Я с удовольствием приду. Куда?

— Этот вопрос сейчас решается. Премьера может быть в зале Союза композиторов или в другом достойном месте.

Следует сказать, что перед этим событием у меня состоялась защита докторской диссертации в Зеленом зале Российского института истории искусств (на Исаакиевской площади), на которую явилась Татьяна Александровна. Она меня наперед поздравила и вручила большую бутылку монастырского бальзама со словами: «Пей без сомнения, этот напиток освящен в церкви». Мое предзащитное волнение она успокоила: «Я уверена, что у тебя все хорошо получится. Только на трибуне особо не усердствуй, береги здоровье».

Первое в Петербурге исполнение цикла «Когда с любимым оборвется связь» состоялось 27 октября 2006 г. в Выборгском районе, в концертном зале с очень хорошим концертным роялем. Татьяна Александровна со своим сыном — статным молодым мужчиной — точно явилась, одетая неброско, но с большим вкусом. Концерт начался с моих вступительных слов, отражающих художественные особенности поэтического текста. В первом ряду мы заняли места — справа от меня Татьяна Александровна, слева — моя жена Ирина Ивановна. Началось исполнение первого романа «Уведи меня, дорога». Мое внимание сосредоточилось на певице, выразительности ее голоса и на платье, у которого, показалось, слегка выпирала боковая складка. В сей момент жена толкнула меня в бок и глазами указала на Татьяну Александровну, которая, не таясь, плакала! Такого поворота в восприятии моей музыки я никак не ожидал. В заключение премьеры я и Татьяна Александровна поднялись к исполнителям на сцену, и здесь поэтесса обратилась к слушателям с проникновенными словами, отражающими ее чувства. Моя дочь Анастасия и сын Александр всю премьеру сняли на видеокамеру.

На этом история не закончилась. В ближайшие дни этот цикл прозвучал на нескольких прекрасных площадках Петербурга, и самая важная из них — это Зал концертных деятелей на Моховой, в котором на рождественском концерте совместно с камерными произведениями композитора Б. Тищенко прозвучал мой вокальный цикл на слова Татьяны Александровны Бернштам. С артистическим блеском его представила вышеупомянутая Елена Ивановна Маркова. По состоянию здоровья поэтесса не могла присутствовать на этом концерте, но на него пришли ее сослуживцы с видеокамерой, которые, очевидно, и дали ей на очередном научном заседании полный коллективный отчет об исполнении этого цикла.

После мы с Татьяной перезванивались, и как-то она сказала: «Приглашаю тебя в гости с тем упреком, что ты отсутствовал на моем 70-летнем юбилее. Многие пришли, а тебя не было, и это я сразу вычислила». Я сказал: «Прости, дорогая! Знаешь, жизнь сложная — семья и работа, диабет и гипертония гнут к земле». Она с патетикой: «А что, у меня нет болячек? Ты же бывший офицер-танкист! Как тебе не стыдно! В армии ты наверно слышал “Танки, вперед!”» Я побожился, что обязательно приду.

И вот, кажется, в среду, 17 января 2007 г., в половине третьего, в своем любимом сером костюме я появился на пороге ее квартиры (Комендантский просп., д. 21, корп. 2, кв. 451, 7 подъезд, 6 этаж). Татьяна меня любезно встретила словами «Ну, наконец-то!» и сразу усадила за обед. Помню, что меня угощали холодными овощными закусками и чем-то диетическим из куриного мяса. На столе еще стояла открытая банка «Лечо», видимо, любимый продукт Татьяны Александровны. Из напитков были предложены водка и бальзам, конечно, освященные в церкви. Со словами: «Я не наливаю, а ты сам себе налей, сколько пожелаешь» придвинула ко мне рюмку. Я пожелал половину рюмки водки, хозяйка же не пила и не курила. Она пожаловалась, что наемдни на улице поскользнулась, упала и разбила нос.

За чаем у нас начался разговор, который длился более четырех часов. Я говорил меньше, больше слушал. Татьяна Александровна о своей жизни поведала очень многое, а я же синхронно сравнивал ее со своей — ведь мы же одногодки, 1935 г.р. Сначала она мне рассказала о ленинградских днях начала войны, а я ей — о бомбежках в Киеве в июне 1941 г.

Я хорошо запомнил, что Татьяна Александровна одна, без матери, была эвакуирована в среднюю полосу России, в детский дом какой-то деревни (не помню названия) (с. Тетюши Куйбышевской области. — *Прим. ред.*), где пробыла почти всю войну. Она с восторгом вспоминала о своем голодном, но привольном житье, о промыслах в окрестностях, по огородам, и своем умении верховодить, командовать пацанами. По-

сле блокады мать забрала ее в Ленинград, и ей пришлось заново привыкать к городской жизни. Спустя много лет она наведалась в те места и встречалась с людьми, с которыми разделила военное лихолетье.

Она живо рассказывала о своих интересах в науке, но эта полоса жизни в определенной части проходила уже после нашего знакомства, и я уточнял лишь некоторые детали. Так, я расспрашивал о ее отношениях с учеными, в частности с ленинградскими и московскими, с которыми был сам как-то знаком, ибо меня интересовала ее оценка их научной деятельности. Мне подумалось, что если Татьяна Александровна все сказанное зафиксировала бы в мемуарной форме, то это было бы очень здорово.

Я проявил интерес к ее зарубежным встречам и поездкам. Как известно, в те времена путешествия за границу властями сдерживались, но Татьяне Александровне удавалось быть приглашенной в научные центры Европы: Германию, Францию, Австрию, в социалистические страны. Она часто принимала зарубежных гостей и в этой связи водила дружбу с моей матерью, Марией Федоровной, которая великолепно готовила традиционные украинские блюда (борщ с пампушками, особый фасолевый суп, куриный бульон с домашней лапшой и зеленью, винницкий винегрет, барские зразы, голубцы, киевские котлеты, рыбу «пожидовски», холодец из свиного рыла с телятиной, холодец из петушков с яйцами, жаркое с гречей, кнедлики, вареники с легкими, творогом, сливами или слегка проквашенной капустой и многое другое).

Праздничный стол из различных закусок и подобных блюд на пять–шесть перемен моя матушка приготовила в честь моего 50-летия, и такие авторитетные гости, как Кирилл Васильевич Чистов и Борис Николаевич Путилов, вышли из-за стола восторженными, а последний у мамы поцеловал ручку и сказал, что подобной вкуснятины в жизни не едал, хотя и бывал в лучших ресторанах города. За этим столом сидели две выдающиеся женщины: Татьяна Александровна и Лариса Михайловна Ивлева (любимая ученица В.Я. Проппа), которые больше смаковали сладенькие штучки, к радости мамы, гордившейся своей выпечкой, поскольку еще во время нашей жизни в Львове она сошлась с женщиной, родственница которой служила в кондитерском подвале дворца последнего австрийского императора, от нее она и переняла уникальные рецепты. Татьяне Александровне импонировало и то, что перед важным кулинарным событием мама посещала церковь, чтобы «Господь отпустил грехи» и чтобы «все получилось».

И когда Татьяне Александровне нужно было своих иностранцев потчевать оригинально и в народном стиле, то по предварительному

телефонному уговору мама им готовила блюда или свежую выпечку. Так, я хорошо помню чайные визиты Татьяны Александровны с одной филологической примадонной из Австрии и с ярким славянофилом из Америки [Йован Хауер. — *Прим. ред.*].

Далее я расспрашивал Татьяну Александровну о характерных особенностях научных центров, которые она посещала. Услышал много интересного о Сорбонне, германских университетах, она вспомнила и о важных научных персонах в области гуманитарных наук, и о тех, с кем вела переписку, у кого гостила. Однако самое большое впечатление на нее произвела научная командировка в Киев, кажется, в институт им. Рылского, в котором она прочитала семь или более лекций, причем еще отвечала на вопросы, вела дискуссию, выступала перед студентами университета, приглашалась на разные встречи. При рассказе она заметила, что ей оказывали особое внимание: в переполненном зале присутствовала почти вся филологическая и этнографическая Украина, на ее лекции приехали ученые из Харькова, Львова, Одессы, Донецка, Днепропетровска и других городов. К ней проявили особое уважение еще и как к деятелю ленинградской научной традиции, имидж которой в глазах киевской публики был заметно больший, чем, скажем, у московской школы, поскольку ленинградцы обладали стойкой опорой дореволюционного Петербурга с подлинно аристократической культурой и высокими нравственными устоями. В Киеве блуждали слухи, что в Москве тоже сложилась высокопрофессиональная школа, деятели которой, владея своей специальностью, за столом не знали, в какой руке полагается держать вилку.

Татьяна Александровна очень многое мне поведала о своей личной и семейной жизни, скажем, о сложных отношениях матери с отцом, от которого она унаследовала фамилию и склонность к научным занятиям. Разумеется, я не имею морального права рассказывать о ее пристрастиях, о самом сокровенном, самом потаенном в ее жизни, ибо это говорилось сугубо доверительно.

Наступило позднее время. Я поднялся и начал прощаться. Татьяна подвела меня к полкам с книгами и показала свое последнее издание. Я сказал, что мне предстоит лечиться в больницу, поэтому прошу заступничества обо мне в молитвах. Татьяна Александровна пообещала, что будет за меня молиться. Наша встреча завершилась ее словами: «Надейся, и тебя Господь обязательно услышит!»

И вот, как я говорил в самом начале этих воспоминаний, спустя несколько недель я получил известие о кончине несравненной Татьяны Александровны Бернштам. Я вспоминаю ее со светлой печалью и отно-

шусь к ее уходу из жизни точно так, как она отнеслась к кончине своего мужа. Татьяна предстала перед Господом по Его воле, и сейчас находится в достойном месте. Она воспитала прекрасного сына. Она выполнила свой научный долг. Она с достоинством завершила земные дела.

Е.И. Владимиров, Ж.К. Владимирова

«ДНИ ТВОРЕНИЯ»

Ленинград. 1980 год. 2 ноября. Выставка на домашних стенах — «В доме на Литейном». На страницах альбома для зрителя-почитателя — запись Тани Бернштам: «Сказать можно много, но смотрящее на нас погружает в тишину. Первое и главное впечатление — погруженности и сопричастности. С ним пока и остаюсь. И какая радость Жене — знать все это! Спасибо. Татьяна Бернштам».

Через месяц в Москве выходит книжка «Дикорастущие съедобные растения в нашем питании». Около ста растений рассказывают о себе цветами, плодами и листьями, красками весны и осени. Моя первая книжка — иллюстрации растений.

Через год в Центральном Доме литераторов, а затем — и в Доме архитекторов состоится персональная выставка «Дикорастущая флора», и московский зритель увидит сосны Мельничного Ручья, березы старых усадеб, снегом засыпанные яблоневые сады, кувшины с красной рябиной, постельный лист маков и первые акварели коктейльской зимы 1973 года. Это неполное содержание того, что смотрело на Таню, что погружало ее в тишину природного мира, в тишину смотрящего на нее графического листа.

1987 год. Татьяна Александровна гостит в Крыму, на Карадаге. Живет у нас, становится участницей и зрителем большой композиции с чайными подносами, плодами айвы, гранатами и керамикой. Ее меткое слово дало имя картону — «Соборный натюрморт». Название так и пристало к работе. И на десятилетие стало темой натюрмортов: «Тыквы и виноград», «Подсолнухи», «Мамины груши», «Чайный столик» и другие.